

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2019), 238–257
© The Author(s) 2019

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2019), 238–257
© Автор(ы) 2019

DOI: 10.18503/1992-0431-2019-1-63-238–257

МЕМФИС И ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ ЕГИПЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Р.А. Орехов

Центр египтологических исследований РАН, Москва, Россия
radamant67@mail.ru

Аннотация. Основание и становление древнейшей столицы Египта Мемфиса относятся к числу загадок египтологии, которые еще только ждут своего разрешения. Основная трудность, с которой сталкиваются ученые, состоит в том, что вплоть до сегодняшнего дня отсутствует достаточное количество аутентичного археологического материала. Поэтому зачастую исследователи, как и сто лет назад, вынуждены опираться в своих построениях на так называемую статическую модель Геродота, которую историограф описал во второй главе своего «египетского логоса» (Herod. II, 99). В частности, основываясь на данном свидетельстве, немецкий египтолог К. Зете в 1905 г. разработал теорию, согласно которой царь Менес около 3000 г. до н. э. основал Мемфис в апексе дельты Нила. К. Зете полагал, что в результате победы могущественного верхнеегипетского царства над нижним, располагавшимся в Дельте, образовалось единое централизованное государство, а ставка царей из верхнеегипетского Абидоса (Тина) переместилась на север, в крепость Белые стены, которая и стала ядром будущей столицы. Однако с накоплением новой, преимущественно археологической, информации в XX и в начале XXI в. многие выводы и предположения германского исследователя стали нуждаться в существенной корректировке. В частности, современные специалисты совсем иначе интерпретируют сущность и роль раннего египетского государства и, соответственно, Мемфиса как его предполагаемой столицы. Отдельные аспекты этой темы и будут затронуты в данной статье.

Ключевые слова: Мемфис, Абидос, Геродот, К.Зете, происхождение египетского государства, Верхний Египет, Нижний Египет

Данные об авторе: Орехов Роман Александрович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра египтологических исследований РАН.

Основание и становление древнейшей столицы Египта Мемфиса относятся к числу загадок египтологии, которые еще только ждут своего разрешения. Основная трудность, с которой сталкиваются ученые, состоит в том, что вплоть до сегодняшнего дня отсутствует достаточное количество аутентичного археологического материала. Поэтому исследователи, как и сто лет назад, зачастую вынуждены опираться в своих построениях на «статическую» модель Геродота, которую историограф описал во второй главе своей «Истории», так называемом «египетском логосе»¹. Напомним, что согласно Геродоту, первый египетский царь Мин (в Геродотовом написании – τοῦ Μίνου или τῷ Μίνι) основал город на стыке дельты и долины Нила, отведя реку в восточном направлении при помощи плотины. На освободившемся пространстве он и воздвиг город. Однако если мы примем на веру данный факт, то появление города в столь необычном месте и в столь отдаленное время будет неизбежно пересекаться с другой не менее значимой проблемой, а именно, уровнем развития египетского государства, которому были по плечу столь неординарные градостроительные решения.

В частности, на основании свидетельства античного историографа выдающийся германский египтолог К.Зете еще в 1905 году разработал теорию, согласно которой царь Мин/Менес² около 3000 г. до н. э. основал город в апексе дельты Нила³. В задачу этого центра входил контроль за присоединенными северными территориями и торговыми путями, которые шли на восток. К. Зете полагал, что в результате победы могущественного верхнеегипетского царства над нижним, которое располагалось в дельте, образовалось двуединое централизованное государство, а ставка царей из верхнеегипетского Абидоса/Тина переместилась на север, в крепость «Белые стены», которая и стала ядром будущей столицы. Другими словами, «Белые стены» стали одновременно столицей объединенного Египта и раннего египетского государства. На месте «Белых стен» впоследствии вырос знаменитый Мемфис.

Теория К. Зете, чей авторитет в науке всегда был и остается весьма высоким, продолжает до сего дня оказывать серьезное влияние на исследователей. Но если для своего времени она была новаторской и учитывала весь доступный археологический и эпиграфический материал, то с накоплением новой преимущественно археологической информации в XX и в начале XXI в., многие выводы и предположения германского исследователя стали нуждаться в существенной корректировке. В частности, археологами стала совсем иначе трактоваться роль раннего египетского государства, соответственно, и Мемфиса как его предполагаемой столицы. Более того, основание Мемфиса, как оно описано у Геродота, предполагает достаточно высокий уровень развития, как общества, его мобилизационных возможностей, так и специфических знаний в области гидротехнического строительства. Могло ли это произойти в эпоху, когда государство только-только начинало складываться?

Поэтому основная задача нашего исследования - показать, что могло представлять собой это «государство», и как современные археологи смотрят на природу его возникновения.

¹ Herod. II, 99.

² Под именем Мина (или Менеса), вероятно, следует понимать одного из правителей I династии Абидоса (Тина) – Хора Нармера или Хора Аха (Крол 2005, 47-48; Heagy 2014, 59–92).

³ Sethe 1905.

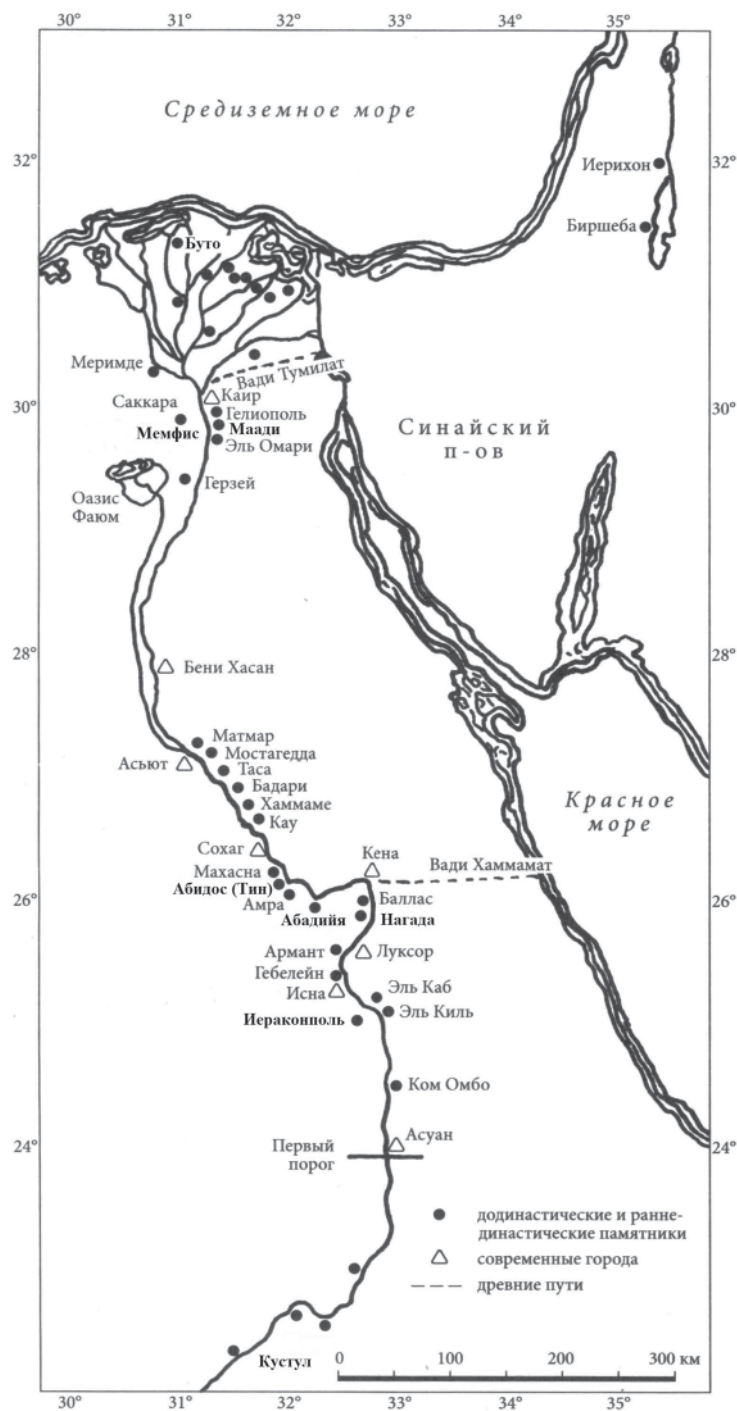

Рис. 1. Долина и дельта Нила накануне образования египетского государства

В настоящем исследовании применяется следующая хронологическая шкала:

Ранний додинастический период (ок. 4000–3900 гг. до н. э.);

Средний додинастический период (ок. 3900–3650 гг. до н. э.);

Поздний додинастический период (ок. 3650–3300 гг. до н. э.);

Завершающий этап додинастического периода (ок. 3300–3100 гг. до н. э. (эти периоды совпадают с Бадарийским периодом и периодами Нагада I, II, III));

Раннее царство (ок. 3100–2686 гг. до н. э.);

Имеющиеся в нашем распоряжении археологические и изобразительные источники, относящиеся как к додинастическому, так и к раннединастическому периодам, позволяют говорить с высокой долей уверенности о том, что возникновение государства в долине Нила сопровождалось непрекращающимися военными конфликтами⁴. Именно военный конфликт, направленный на завоевание территории, вызывает к жизни основное условие для возникновения государства – монополию на физическое принуждение, которой обладают вождь и окружающая его правящая элита⁵.

Однако основным препятствием к установлению этой монополии являются родственные связи, которые лежат в основе функционирования любого вождества, т.е. потестарной организации, предшествующей государству. М. Кампано полагает, что в обществах, в основе жизнедеятельности которых лежат родственные связи, существуют определенные ограничения, препятствующие возникновению значительного социального неравенства. В такого рода обществах, которые группируются под общим названием вождеств, лидерство представляет собой функцию социального престижа. Лидер не может выйти за рамки, которыми общество, основанное на родственных связях, ограничивает возможности возникновения социального неравенства и монополии на физическое насилие. При этом эти ограничения действуют лишь внутри общества, построенного на принципах родственных связей, но не в отношении соседних, неродственных обществ, которые воспринимаются как «не-мы», «иные», «чужие». Применительно к ним действуют иные социальные нормы, среди которых была и монополия одного или немногих на физическое насилие. Таким образом, по мнению исследователя, искать истоки возникновения государства следует в отношениях между догосударственными образованиями⁶.

Относительно причин военных конфликтов существуют разнообразные точки зрения. Так, Ж. Монне-Салех считает, что в основе такого конфликта лежала возникшая в результате процесса аридизации пустыни нужда кочевников-скотоводов в пастбищах Дельты, заселенной земледельцами-потомками Бадарийской и Амратской культур⁷. По мнению исследовательницы, финальный этап этого процесса изображен на булаве фараона Скорпиона (рис. 2). Однако в настоящее время нет никаких надежных археологических данных, которые подтверждали бы теорию конфликта между двумя антагонистическими этническими группами – номадами Верхнего Египта и оседлыми земледельцами Низовья. Напротив, данные

⁴ Campagno 2004, 690.

⁵ Campagno 2004, 691.

⁶ Campagno 2000, 40.

⁷ Monnet-Saleh 1986, 237.

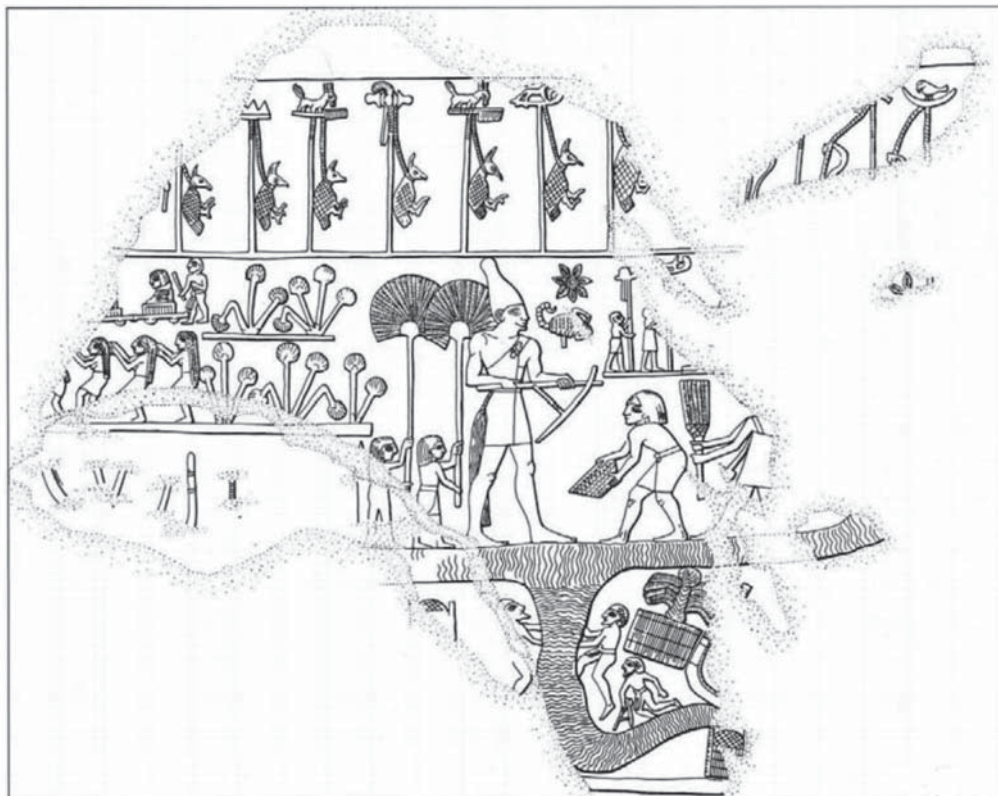

Рис. 2. Верхнеегипетский вождь Скорпион проводит символическую борозду, открывая сезон сельскохозяйственных работ. В верхнем регистре изображены штандарты богов Верхнего Египта, на которых висят птицы с заломленными крыльями, символизирующие покоренное население Дельты (по Arnold 1999, fig. 53)

археологических раскопок в Иераконполе свидетельствуют о том, что местное население сочетало оба типа хозяйствования: отгонное скотоводство и земледелие⁸.

Согласно другой теории (т.н. *circumscription theory*), предложенной исследователями К. Бард и Р. Карнейро, основной причиной вооруженного конфликта была нехватка земли, которую испытывали правители и растущее население протогосударственного образования с центром в Иераконполе. Стремясь расширить свои владения, правители Иераконполя неизбежно вступали в конфликт с соседними политиями в Абидосе и Нагаде (рис. 1). По мнению исследователей, если в период поздней культуры Нагада II в вооруженный конфликт были втянуты вождества на территории Верхнего Египта, то в последующий период Нагада III он охватил уже пространство всей долины Нила и Дельты и в конечном итоге привел к возникновению единого государства⁹.

⁸ Campagno 2004, 692.

⁹ Bard, Carneiro 1989, 693.

Наконец, согласно третьей точке зрения, вооруженные конфликты были вызваны усилившимся соперничеством между верхнеегипетскими политиями за монопольный контроль над торговыми путями, связывавшими Египет с отдаленными регионами Ближнего Востока и Африки¹⁰. Начиная с периода Нагада II, через поселение в Маади, расположенное в апексе Дельты, устанавливаются торговые отношения, связавшие Нижний Египет и регион Палестины. Через Буто морским путем доставлялись товары с территории современной Сирии. Благодаря активной торговле, которая велась между Дельтой и Передней Азией, Иераконполь, Абидос и Нагада имели возможность получать товары не только из Ханаана, но и из Месопотамии, Элама и даже Афганистана¹¹. На юге догосударственные формирования Верхнего Египта имели доступ к африканским товарам благодаря торговле с нубийскими племенами группы С. Из этих отдаленных регионов в долину Нила поступали в первую очередь «экзотические» товары, а также сырьевые материалы для их изготовления (лазурит, обсидиан, медь, слоновая кость и др.)¹².

В силу того, что эти товары поступали в Верхний Египет из отдаленных стран, их количество было весьма ограниченным, а стоимость, соответственно, очень высока. Они становились предметами престижа, обладание которыми значительно повышало социальный статус¹³. Поэтому, полагает М. Кампаньо, в обществе, где правитель и окружающая его элита в силу определенных ограничений, характерных для социальной организации по типу вождества, лишены монополии на физическое насилие, явное для всех обладание дорогими и экзотическими товарами являлось едва ли не единственным знаком привилегированного положения в обществе¹⁴.

Развивая свою мысль об экзотических товарах, М. Кампаньо приходит к заключению, что стремление обладать ими – штучными предметами, изготовленными из ценных материалов, доставлявшимися из дальних стран, а также сырьевыми материалами для производства статусных предметов – было причиной множества вооруженных конфликтов начиная с периода Нагада II¹⁵. Поэтому различные догосударственные образования Верхнего Египта стремились установить монопольный контроль над торговыми путями, по которым престижные товары поступали в долину Нила. М. Кампаньо также отмечает, что потребность в этих товарах нисколько не снижалась, т.к. спустя определенное время после того, как они оказывались в долине Нила, их захоранивали вместе с их обладателями¹⁶; причем в могилу эти предметы клали в большем количестве и лучшего качества, чем те, что оставляли в мире живых¹⁷. Другую часть престижных товаров элита распределяла между рядовыми членами сообщества в целях сохранения видимости равенства и укрепления лояльности¹⁸.

¹⁰ Campagno 2004, 694–695.

¹¹ Campagno 2000, 40.

¹² Campagno 2004, 694–695.

¹³ Campagno 2004, 695.

¹⁴ Campagno 2000, 41.

¹⁵ Campagno 2000, 41.

¹⁶ Campagno 2000, 42.

¹⁷ Campagno 2004, 696.

¹⁸ Campagno 2004, 695.

Основными свидетельствами конфликтов периода Нагада II являются различные виды наступательного и оборонительного оружия, обнаруженного в погребениях; археологические свидетельства постройки оборонительных стен; изобразительные данные¹⁹. Поначалу основным объектом грабительских набегов становились те территории, которые находились ближе к торговым путям. Вскоре, однако, на смену грабительским набегам приходят походы, направленные на полное подчинение территорий, имевших преимущество в получении предметов престижа благодаря своему местоположению²⁰. А это в свою очередь приводит к возникновению принципиально новых, государственных по своей сути отношений, построенных не на внутриклановых родственных связях; отношений, при которых возникает монополия на насилие победителя в отношении побежденных, т.е. основная отличительная черта государства.

Центрами возникновения означенных государственных отношений стали Иераконполь, Нагада, Абидос в Верхнем Египте и, возможно, Кустул в Нубии. Спустя непродолжительное время, в период Нагада II они вступают в конфликтные отношения друг с другом, однако это уже был конфликт между отдельными государствами. Таким образом, объединение Египта, по сути, нельзя рассматривать как рождение государства, возникшее, по меньшей мере, за столетие до этого²¹. Как считает М. Кампано, на этом этапе предельно меркантильная в своей основе цель обладания предметами престижа получает идеологическое обоснование. Экспансия на соседние территории теперь воспринималась как распространение мирового порядка *маат* на земли, подвластные хаосу²². Важную роль для функционирования вновь возникших государственных формирований имела дань, поступающая с покоренных территорий. Она позволяла элите содержать ремесленников, жрецов, чиновников²³.

Отметим, что подход М. Кампано, несмотря на то, что исследователь максимально учитывает в своих построениях археологический материал, представляется немного наивным. В условиях, когда человек выживает в условиях не привычной для себя природной среды нильской долины, предметы престижа отходят для него явно на второй план. Единственным исключением могут являться предметы магического или ритуального характера, которые легитимизируют власть жреца или правителя²⁴.

Реконструкция постепенного развития египетского общества в период Нагада I–III и постепенного развития государственных отношений также дана в работах Т. Вилкинсона. Исследователь считает, что гробничная архитектура, размер гробницы, местоположение захоронения вкупе с находками, сделанными при раскопках погребений, датированных периодом Нагада I – ранней Нагады II на некрополях Абидоса, Абадийи, Нагады и Иераконполя, свидетельствует о том, что в этих погребениях были захоронены представители правящей элиты, чья политическая и экономическая власть находит отражение в обладании статусными

¹⁹ Campagno 2000, 43.

²⁰ Campagno 2004, 697.

²¹ Campagno 2000, 43–44.

²² Campagno 2004, 699–700.

²³ Campagno 2000, 44.

²⁴ О данных предметах мы хорошо знаем из современных традиций Африки (Синицына 1997).

предметами²⁵. Т. Вилкинсон считает маловероятным, что каждая из четырех политий управляла обширной территорией: на это указывает тот факт, что Абидос и Абадия, например, располагались слишком близко друг к другу²⁶.

Следующий серьезный этап на пути объединения Египта – период Нагада IIб. Этим периодом датируется упадок элитного некрополя в Абадиейе. Вероятно, как считает ученый, Абадия была подчинена соседним Абидосом²⁷. Однако и сам Абидос явно переживал не самые лучшие времена. По мнению Т. Вилкинсона, Абидос попал в зависимость от правителей Нагады. Об этом, в частности, может косвенно свидетельствовать прекращение захоронений на Кладбище U в Абидосе почти на всем протяжении Нагады II²⁸. В свою очередь в Нагаде именно в этот период возникает элитный участок некрополя – Кладбище Т. Первые захоронения здесь датируются периодом Нагада IIб.

Как считает Т. Вилкинсон, более быстрые темпы, которыми в Нагаде шел процесс усложнения социальной структуры общества, а также доминирование Нагады над окрестными политиями в период Нагада II объясняются прямым доступом к полезным ископаемым и в первую очередь золотым копям восточной пустыни²⁹.

Периодом Нагада IIс датируются погребения на элитном Кладбище Т, которые по своей архитектуре, размерам и местоположению явно предназначались для местных правителей. Например, могила T5 имела размеры 11 кв. м. Могильная яма была обложена сырцовыми кирпичами. В ней было обнаружено пять каменных и более 40 керамических сосудов, а также бусы из малахита³⁰. В погребении T29 была найдена импортированная из Месопотамии цилиндрическая печать, что свидетельствует о развитии властных отношений в обществе Нагада.

В Иераконполе в период Нагада II захоронения элиты перемещаются из Участка 6 ближе к обрабатываемой почве. Новое кладбище элиты известно, прежде всего, благодаря Гробнице 100. Изображения на стенах этой гробницы свидетельствуют о том, что в Иераконполе быстрыми темпами шел процесс создания царской идеологии (рис. 3а-б)³¹.

Рис. 3а. Фрагмент росписи из Гробницы 100 в Иераконполе, на котором, вероятно, показан сбор дани с покоренных территорий (Seidlmayer 2010, fig. 25)

²⁵ Wilkinson 2000, 381.

²⁶ Wilkinson 2000, 381.

²⁷ Wilkinson 2000, 382.

²⁸ Wilkinson 2000, 382.

²⁹ Wilkinson 2000, 382.

³⁰ Wilkinson 2000, 384.

³¹ Wilkinson 2000, 384.

Рис. 36. Роспись в Гробнице 100, деталь (Seidlmayer 2010, fig. 26)

Как полагает Т. Вилкинсон, быстрый процесс расслоения общества и выделения правящей элиты в Иераконполе, как и в Нагаде, определялся близостью к торговым путям. Через Вади-Аббад регион был связан с золотоносными районами восточной пустыни. Иераконполь также находился вблизи торговых путей, по которым шли товары из Нубии и Сахары³².

В период Нагада II Абадийа утрачивает свою роль одного из центров формирования протогосударства. Эту же роль, похоже, на время утрачивает и Абидос. Здесь на некогда элитном участке кладбища было обнаружено лишь несколько погребений с заупокойным инвентарем, который явно указывает на более низкий социальный статус погребенных по сравнению с теми, кто был здесь погребен в период Нагада I³³.

³² Wilkinson 2000, 384.

³³ Wilkinson 2000, 384.

В Гебелейне, зажатом между Нагадой и Иераконполем, как полагает Т. Вилкинсон, возникает еще один центр складывания раннегосударственных отношений. Подтверждением тому служит датируемый периодом Нагада Пс фрагмент льняной ткани, на котором были изображены сцены, схожие своей иконографией и сюжетами с росписями могилы 100. По мнению Т. Вилкинсона, умерший, в погребении которого находилась эта ткань, вероятно, был правителем. Об этом, в частности, свидетельствует изображение на ткани сцены гарпунирования бегемота. В период I династии гарпунирование бегемота было ритуальным действием, которое являлось частью одного из царских праздников³⁴.

Для реконструкции процесса политогенеза в регионе Верхнего Египта важное значение, по мнению Т. Вилкинсона, также имеют наскальные изображения, которые были найдены при строительстве дороги Луксор-Фаршут в западной пустыне. На основании анализа палеографии и иконографии изображения были датированы временем ранней Нагады III (Нагада IIIa1–a2). Наиболее интересные изображения были обнаружены в местности Гебель-Таути. Набор сюжетов: пленники, царские геральдические животные – сокол, скорпион, слон, стоящий на холмах – характерен для позднединастического времени. Местоположение изображений на скалах Гебель-Таути позволяет предположить, что здесь запечатлена военная победа, одержанная Абидосом над Нагадой³⁵. Исследователь считает, что дорога по западной пустыне была проложена Абидосом с целью получить доступ к экзотическим престижным товарам Африки в обход Нагады³⁶. Кроме того, юг Верхнего Египта мог интересовать Абидос как рынок для сбыта товаров, поступавших, опять-таки минуя Нагаду, из Нижнего Египта и Леванта. Именно эта политика экономической и политической экспансии Абидоса в конце концов, как считает Т. Вилкинсон, и привела к созданию единого государства.

Несколько иначе на процесс складывания единого государства смотрит австралийская исследовательница К. Кёллер. Так, полемизируя с устоявшейся в науке концепцией В. Кайзера³⁷, она полагает, что в свете новых археологических открытий идея о том, что экспансия носителей культуры Нагада на север была главной предпосылкой объединения страны, представляется более чем проблематичной³⁸. По ее мнению, существуют два основных подхода к проблеме объединения, различающиеся в первую очередь источниками, на которых они основываются. Один апеллирует главным образом к нарративным и изобразительным источникам, которые дают все основания для того, чтобы предполагать насильственный способ объединения страны под властью одного правителя, другой – к источникам археологическим, которые позволяют реконструировать постепенный процесс формирования египетского общества и культуры в ходе складывания государства. Исследовательница указывает на важность совмещения этих двух подходов, что дает возможность взглянуть на формирование единого государства как на процесс многовекторный и многофакторный, движущие силы которого были различными в разные периоды времени.

³⁴ Wilkinson 2000, 385.

³⁵ Wilkinson 2000, 386.

³⁶ Wilkinson 2000, 386.

³⁷ Более подробно о концепции В. Кайзера см.: Kaiser 1957; 1959; 1960; 1961; 1964.

³⁸ Köhler 2008, 520–521.

Рис. 4. Очень часто сюжет палетки Нармера (0 дин.) интерпретируется исследователями как окончательное покорение верхнеегипетским правителем земель дельты. Однако возникает закономерный вопрос, почему данная палетка была посвящена царем в храм Хора в Иераконполе, который отстоит весьма значительно от земель Низовья (Quibell 1900, pl. XXIX)

К. Кёлер указывает на то обстоятельство, что концепция экспансии носителей культуры Нагада сформировалась до и после Второй мировой войны и основывалась, прежде всего, на анализе письменных источников, которые рассматривали Египет до объединения как страну, состоявшую из двух враждебных друг другу царств (см. выше концепцию К. Зете!). Процесс объединения воспринимался в общих чертах таким, каким он изображен на палетке Нармера, которого отождествляли с Менесом (рис. 4).

По мнению В. Кайзера, процесс культурной экспансии культуры Нагада предшествовал экспансии политической. Последняя, по мнению ученого, проходила в форме краткосрочных рейдов верхнеегипетских правителей, направленных на уничтожение отдельных поселений Дельты, как, например, Маади, или же хорошо спланированных операций, в ходе которых огню и мечу предавалась значительная территория Нижнего Египта³⁹. Однако К. Кёлер высказывает сомнения

³⁹ Kaiser 1957; 1959; 1960; 1961; 1964.

относительно организационного ресурса правителей долины для подготовки и проведения столь масштабных и дальних военных операций.

Например, изучение археологических материалов, обнаруженных при раскопках верхнеегипетских поселений позднего неолита – раннего энеолита, привели археологов Р. Фридман и Д. Холмс к выводу о том, что в Верхнем Египте не существовало единой культуры, последовательно и единообразно развивавшейся во всем регионе в амратское, герзейское и додинастическое время, скорее всего, это была культура с большим числом локальных вариантов⁴⁰. Таким образом, делает вывод К. Кёлер, прежняя точка зрения о существовании гомогенной культуры Нагада на всем пространстве Верхнего Египта выглядит ныне весьма спорной⁴¹.

Также, по мнению К. Кёлер, Нижний Египет додинастического периода представлял собой регион, культуры которого постепенно развивались от неолита и энеолита к раннему бронзовому веку без какого-либо политического, военного или прямого культурного влияния с юга. Из-за протяженности территории, которая разделяла Верхний Египет и Дельту, а также из-за отсутствия сравнительного материала из региона Среднего Египта сложилось представление о том, что в Дельте в додинастический период сформировалась совершенно отличная от остального Египта материальная культура. Тем не менее, при детальном рассмотрении она по многим признакам демонстрирует высокую степень единообразия с культурами Верхнего Египта⁴².

К. Кёлер полагает, что погребальные обряды Верхнего и Нижнего Египта периода раннего энеолита сложно сравнивать из-за разного объема данных: 15 тыс. погребений периода Нагада I–IIa и всего 600 захоронений, раскопанных в Дельте. Тем не менее, как пишет исследовательница, в обоих регионах умершие в основном похоронены в простых могилах, в скорченном положении, накрытые плетеной из тростника циновкой или шкурой животного в сопровождении приношений, таких как сосуды для пищи, орудия, украшения. Все это позволяет К. Кёлер говорить о том, что в обоих регионах Египта господствовала схожая концепция посмертного существования, которая, в частности, требовала обеспечения умершего едой и личными вещами⁴³. Исследовательница также считает, что нельзя с полным основанием говорить о том, что нижнеегипетское общество в период раннего энеолита было эгалитарным, основываясь лишь на том, что некрополи культуры Буто-Маади беднее, чем одновременные им могильники культуры Нагада. Размеры поселения Маади, налаженная торговля с Левантом, развитая специализация ремесла и спрос на элитарные товары из Верхнего Египта, такие как, например, каменные ромбовидные ножи или ножи в виде рыбьего хвоста, свидетельствуют в пользу того, что население Дельты было организовано в стратифицированное общество типа вождества⁴⁴.

По мнению К. Кёлер, утвердившаяся в египтологии точка зрения о различиях между культурами Верхнего и Нижнего Египта в додинастический период во многом является перенесением идеологической схемы позднегипетских письменных

⁴⁰ Holmes, Friedman 1989; 1994.

⁴¹ Köhler 2008, 523.

⁴² Köhler 2008, 523–524.

⁴³ Köhler 2008, 526.

⁴⁴ Köhler 2008, 527.

источников о противостоянии двух частей страны, Гора и Сета, красной и белой корон, Буто и Иераконполя и т.д.⁴⁵ Эта позиция, однако, не имеет надежных археологических доказательств. Кроме того, те данные исследований, которые имелись в распоряжении ученых до недавнего времени, имели один существенный недостаток, который существенно ограничивал возможности проведения сравнительного анализа культур Верхнего Египта и Дельты: культура Нагада была известна по преимуществу благодаря материалам, полученным из раскопок некрополей, в то время как информация о материальной культуре Буто-Маади основывалась в первую очередь на данных, полученных в результате археологических раскопок поселений.

Таким образом, К. Кёлер приходит к выводу о том, что гипотеза В. Кайзера об экспансии культуры Нагада на север умозрительна и противоречит многим фактам, которые были получены в результате археологических исследований последних десятилетий⁴⁶. Напротив, К. Келер считает, что различные регионы Египта развивались постепенно под влиянием соседних культур и различных экологических условий. Река, соединявшая Египет на всем его протяжении, была главным средством передвижения людей, товаров и идей. Тем не менее, огромные пространства, которые разделяли Юг и Север, объясняют различия в материальных культурах противоположных концов страны, причем эти различия усиливались в зависимости от степени удаленности культур друг от друга⁴⁷.

Уже в раннем энеолите начинается формирование региональных центров, политий, таких как Абидос, Иераконполь, Нагада, Абадия на юге и Буто, Маади на севере. Здесь начинают складываться местные элиты, контролировавшие ремесленное производство и торговлю как ремесленными товарами для повседневного пользования на внутреннем рынке, так и «статусными» товарами для торговли с элитами других центров⁴⁸. В этом отношении политики Верхнего Египта имели два явных преимущества перед протогосударственными формированиями Дельты, связанных с их географическим положением. С одной стороны, они не были изолированы друг от друга, как региональные центры Дельты, где многочисленные русла Нила создавали серьезные препятствия для торгового обмена особенно в период разлива реки; с другой – протогосударственные образования Верхнего Египта имели прямой доступ к сырьевым источникам восточной пустыни. Кстати, именно этим обстоятельством К. Кёлер объясняет тот факт, что в погребениях на некрополях Дельты значительно реже, чем в одновременных им захоронениях Верхнего Египта встречаются «статусные» предметы. Они производились по большей части в Верхнем Египте, где их могло приобрести и положить в могилу значительно большее число людей, нежели в Дельте, расположенной за сотни километров оттуда. Таким образом, «бедность» сопровождающего инвентаря в погребениях Дельты, по мнению К. Кёлер, не может считаться аргументом в пользу более низкого уровня социального развития, «эгалитарности» общества в Дельте⁴⁹.

⁴⁵ Köhler 2008, 517.

⁴⁶ Köhler 2008, 532.

⁴⁷ Köhler 2008, 532.

⁴⁸ Köhler 2008, 533.

⁴⁹ Köhler 2008, 533.

Рис. 5. Пример статусного предмета – нож из Джебель эль-Арака, кость гиппопотама, кремнь (Лувр, происхождение неизвестно, фото автора)

Территориальная близость верхнеегипетских политий друг к другу, с другой стороны, была, вероятно, причиной соперничества, которое, скорее всего, выливалось в открытое вооруженное противостояние. К концу энеолита в результате этого противостояния количество политий сократилось до трех: Иераконполя, Нагады и Абидоса, территории которых при этом расширились⁵⁰. В этот период возникают первые крупномасштабные постройки из сырцового кирпича, происходит формирование чиновничьего аппарата. По мнению К. Кёлер, применительно к Иераконполю, Нагаде и Абидосу можно говорить о возникновении в период позднего энеолита городов-государств или протоцарств⁵¹.

⁵⁰ Köhler 2008, 534.

⁵¹ Köhler 2008, 534.

Таким образом, процесс образования единого государства в долине Нила шел по двум направлениям, которые были тесно переплетены друг с другом. С одной стороны, шел процесс усложнения социальной структуры общества, возникновения и развития протогосударственных образований, с другой – происходило создание единого египетского государства от Средиземного моря до 1 порога⁵².

Таковым в общих чертах в представлении ведущих археологов был исторический фон, когда на границе Верхнего и Нижнего Египта, на границе дельты и долины появилась новая египетская столица. Постараемся насколько это возможно дать оценку этим взглядам. Разумеется, мы исходим из того, что все вышеперечисленное – это только гипотезы, которые опираются на богатый археологический материал последнего времени, поэтому их необходимо учитывать, когда мы начинаем говорить о Мемфисе. Не все эти взгляды и суждения представляются равноценными. Прежде всего, на передний план в них выдвигаются факторы торговли и борьбы за природные ресурсы. Начнем с торговой теории.

Если допустить справедливость гипотезы о торговле на дальние расстояния как решающем факторе в образовании египетского государства, то Мемфис в таком случае неизбежно будет восприниматься как торговый посредник не только между севером и югом страны, но и между Египтом и Азией. Британский исследователь Т. Вилкинсон, как уже было отмечено, считает, что одним из основных факторов объединения Египта было именно стремление верхнеегипетских правителей к монополизации контроля над торговыми путями, особенно теми, что вели за пределы Египта. Подобное выгодное географическое положение могло в значительной мере повлиять на выбор места для новой столицы⁵³.

Однако данный подход представляется маловероятным по ряду причин. Прежде всего, золото, которое по мысли исследователя способствовало формированию элит и расслоению племенного общества, не являлось признаком богатства и состоятельности, а было, скорее всего, просто монополией вождей на изготовление статусных и культовых предметов. Эти предметы носил либо сам вождь, ритуальный правитель, либо его приближенные или даже жрецы. Мы хорошо знаем, что в более позднее время золотом могли просто награждать за доблесть или службу. Подлинным богатством всегда были земля и скот, как источники жертвоприношений и пропитания населения. Золото становится серьезным экономическим фактором только тогда, когда оно действительно выступает как средство обмена. Но для этого необходимо, как минимум, чтобы экономика достигла достаточно высокого уровня развития и у людей появилась бы потребность в обмене, потребность в накоплении богатства. Однако эта потребность возникает не тогда, когда людям не достаёт элементарных жизненных ресурсов и оно просто борется за свое выживание, или ощущает нехватку каких-то статусных предметов. Статусные иноземные предметы, о которых пишут многие исследователи, представляют собой единичные экземпляры (рис. 5). А значит, и контакты, в результате которых они появлялись в могилах знати, также были единичными, например, в процессе миграций культур и не являлись факторами полноценной торговли. Можно ли вообще предполагать полноценную торговую индустрию в то далекое время? Последнее касается не только теории Т. Вилкинсона, но и теории М. Кампаньо. В са-

⁵² Köhler 2008, 536.

⁵³ Wilkinson 2001, 360.

мом деле, потребность в предметах «не первой необходимости» (non-subsistence goods), а также неравное распределение в обществе проявляются в погребениях, датированных периодами Нагада I и, особенно, Нагада II⁵⁴. Однако делать на основании этого вывод, что означенные предметы стали в конечном итоге причиной борьбы за торговые пути, по которым эти предметы попадали в нильскую долину, является большой натяжкой.

Приведем другой пример. Как явствует из отчёта Германского археологического института в Каире, в погребальных сооружениях т.н. кладбища «В» в Умм-эль-Каабе (Абидос) при изготовлении потолочных и межкомнатных перекрытий использовалась не местная, а привозная хвойная древесина⁵⁵. На этом основании некоторые исследователи пришли к выводу, что проникновение культуры Нагада в северо-восточный район Дельты было связано с захватом рынков сырья, преимущественно синайской меди и ливанской древесины⁵⁶. Если учесть, что качественная ливанская древесина использовалась преимущественно в царских погребениях эпохи Раннего царства, а медь была необходима для производства орудий с целью обработки этой древесины, можно ли заключить на основании этого, что проникновение культуры Нагада (в её поздней фазе) на территорию Дельты было продиктовано нуждами торговли?

Еще в 1920-е гг. египтологам стало очевидно, что материалы раскопок малочисленных археологических памятников Дельты не дают подтверждений для собственно египетской модели сложения единого государства в результате завоевания Севера Югом, т.к. в Нижнем Египте не было в додинастический период никакого крупного протогосударственного образования, равного Иераконполю, Абидосу или Нагаде, которое могло бы соперничать с политиями Верхнего Египта⁵⁷. Если любая верхнеегипетская полития обладала на тот момент более развитой военной организацией, то она вообще могла не принимать в расчет более слабого соперника, не говоря уже о том, чтобы воспринимать его как торгового посредника. Поэтому концепции К. Бард, К. Кёлер, Ж. Монне-Салех, а в чем-то и В. Кайзера представляются более взвешенными и соответствующими реальному положению дел.

Представляется, что все же ближе к истине те исследователи, которые связывают объединение страны и образование первого государства в масштабах всей нильской долины с борьбой за природные ресурсы, главным образом за пастбища, скот и плодородную землю. Суммируя данные геологических исследований последних лет в Дельте, К. Бутцер приходит к следующим выводам: осадконакопление в Дельте началось не ранее 6500–5500 гг. до н. э., после того как понизились уровень моря и уровень разлива Нила; для создания плодородного слоя понадобилось не менее 200 лет (а то и больше!);⁵⁸ исходя из этого, маловероятно, что в Дельте когда либо будут найдены остатки поселений старше, чем 5000 г. до н. э.; примерно с этого времени начинается заселение Дельты выходцами из высыхающей Ливийской пустыни и переселенцами из Леванта; вместе с первыми посе-

⁵⁴ Bard 1989, 224.

⁵⁵ Kaiser, Dreyer 1982, 213–215.

⁵⁶ Helck 1990, 112; Endesfelder 1993, 190–191.

⁵⁷ Butzer 2002, 83.

⁵⁸ Прусаков 2010, 85.

ленцами в Дельту проникают domesticiрованные животные и растения⁵⁹. Скорее всего, именно наличие пастбищ и плодородной земли стимулировало абидосских правителей к проникновению в северные области Египта. При этом если мы допустим серьезный экологический сдвиг, например, недостаточные разливы реки в долине, то фактор наличия полноценных угодий в Низовье будет играть важную стабилизирующую роль. Не в этом ли кроется роль региона будущего Мемфиса? Другими словами, при наличии столичного центра на юге, северный район воспринимался абидосскими царями именно как экономический резерв!

Мы не знаем, когда именно царская ставка окончательно покинула Абидос и переместилась в Нижний Египет. Как полагает германский археолог Г. Дрейер, пересмотревший устаревшую теорию У. Эмери, даже первые царские захоронения (?) появляются в районе исторического Мемфиса только в начале II династии⁶⁰. Прежде здесь располагался лишь некрополь знати. Это могли быть царские чиновники, отвечавшие за посреднические торговые операции, а могли быть и просто наместники вновь присоединенных территорий, что само по себе вовсе не свидетельствует о наличии крупного столичного города. А если это так, то роль Тина/Абидоса сохранялась как минимум на протяжении всей I династии, если не позже. Значит, информация Геродота не так уж и безукоризненна. Мог ли Мемфис быть крупным городом, а тем более столицей в момент образования государства фараонов? Почему концепция К. Зете представляется с этой позиции весьма уязвимой? Потому что объединение как таковое, предполагает взаимодействие действительно равных соперников, в противном случае это просто присоединение!

Очевидно, что древний столичный центр в Иераконполе и Абидосе еще долго сохранял свое значение, и только начало крупномасштабного пирамидного строительства в Древнем царстве позволит сконцентрировать в Нижнем Египте впечатляющие экономические и строительные ресурсы, которые и позволят стимулировать процессы урбанизации региона Мемфиса.

ЛИТЕРАТУРА

- Крол, А.А. 2005: *Египет первых фараонов*. М.
Прусаков, Д.Б. 2009: *Древний Египет: почва цивилизации (этюды о неолитической революции)*. М.
Arnold, D. 1999: Royal Reliefs. In: J.P. O'Neill (ed.), *Egyptian Art in the Age of the Pyramids*. New York.

⁵⁹ Butzer 2002, 93.

⁶⁰ Как считает крупный германский археолог Г. Дрейер, подлинные захоронения правителей первых двух династий находились в Абидосе (местечке Умм-эль-Кааб). Противоположного мнения придерживался У. Эмери. По мнению Г. Дрейера, большинство гробниц Саккары, основного некрополя Мемфиса, принадлежало высокопоставленным чиновникам и царицам, умершим раньше своих царственных супругов. (см.: Dreyer 2003, 73). В свое время Г.Юнкер провидчески заметил: «Назначение кладбища в Северной Саккаре еще остается сомнительным, так как один считает его царским кладбищем, а другой видит в его мастабах гробницы высших должностных лиц. Только одно можно смело утверждать: либо это кладбище царей I династии, либо их высших должностных лиц, и невозможно, чтобы одна гробница принадлежала царю, а другая – подданному, хотя бы это был даже и везир» (Junker 1955, 10). В самом деле, царей в Египте всегда хоронили отдельно от их подчиненных! Данное обстоятельство свидетельствует о том, что статус предполагаемого столичного центра в Нижнем Египте был еще весьма неопределенным.

- Bard, K. 1989: The Evolution of Social Complexity in Predynastic Egypt: An Analysis of the Naqada Cemeteries". *Journal of Mediterranean Archaeology* 2, 223–248.
- Bard, K., Carneiro, R.L. 1989: Patterns of Predynastic Settlement Location, Social Evolution and the Circumscription Theory. *Cahiers de recherches de l'Institut de papyrologie et égyptologie, Lille* 11, 15–23.
- Butzer, K.W. 2002: Geoarchaeological implications of recent research in the Nile Delta, In Egypt and the Levant. In: E.C.M. Van den Brink, T.E. Levy (eds.), *Interrelations from the 4th through the early Third Millennium BCE*. London–New York, 83–97.
- Campagno, M. 2000: Kinship and the Emergence of the State in Egypt. *Bulletin of the Australian Center for Egyptology, Sydney* 11, 35–47.
- Campagno, M. 2004: In the Beginning was the War. Conflict and the Emergence of the Egyptian State Egypt at its Origins. In: S. Hendrickx, R.F. Friedman, K.M. Cialowicz, M. Chlodnicki (eds.), *Studies in Memory of Barbara Adams. Proceedings of the International Conference "Origins of the State. Predynastic and Early Dynastic Egypt"*. Krakow, 28th August – 1st September 2002. Leuven, 689–703.
- Dreyer, G. 2003: The Tombs of the First and Second Dynasties at Abydos and Saqqara. In: Z. Hawass (ed.), *The Treasures of the Pyramids*. Turin, 62–77.
- Endesfelder, E. 1993: Überlegungen zur ersten Reichseinigung in Ägypten. In: E. Kormysheva (ed.), *Ancient Egypt and Kush*. Moscow, 174–200.
- Heagy, T. C. 2014: Who was Menes? *Archéo-Nil: Revue de la société pour l'étude des cultures prépharaoniques de la vallée du Nil. Prédynastique et premières dynasties égyptiennes. Nouvelles perspectives de recherches*. Janvier 24. Paris, 59–92.
- Helck, W. 1990: Gedanken zur Entstehung des altägyptischen Staates. In: B. Schmitz, A. Eggbrecht (eds.), *Festschrift Jürgen von Beckerat. Zum 70. Geburtstag am 19. Februar 1990*. Hildesheim, 97–118.
- Holmes, D.L., Friedman, R.F. 1989: The Badari Region Revisited. *Nyame Akuma* 31, 15–19.
- Holmes, D.L., Friedman, R.F. 1994: Survey and Test Excavations in the Badari Region, Egypt. *Proceedings of the Prehistoric Society* 60, 105–142.
- Junker, H. 1955: *Giza XII. Schlußband mit Zusammenfassungen und Gesamtverzeichnissen von Band I–XII*. Vienna.
- Kaiser, W. 1957: Zur inneren Chronologie der Naqadakultur. *Archaeologia Geographica* 6, 69–77.
- Kaiser, W. 1959: Einige Bemerkungen zur ägyptischen Frühzeit. *ZÄS* 84, 119–132.
- Kaiser, W. 1960: Einige Bemerkungen zur ägyptischen Frühzeit. *ZÄS* 85, 118–137.
- Kaiser, W. 1961: Einige Bemerkungen zur ägyptischen Frühzeit. *ZÄS* 86, 39–61.
- Kaiser, W. 1964: Einige Bemerkungen zur ägyptischen Frühzeit. *ZÄS* 91, 86–125.
- Kaiser, W., Dreyer, G. 1982: Umm el-Qaab. Nachuntersuchungen im frühzeitlichen Königsfriedhof. II. Vorbericht. *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Abteilung Kairo* 38, 211–269.
- Köhler, C. 2008: The Interaction between and the Roles of Upper and Lower Egypt in the Formation of the Egyptian State. In: B. Midant-Reynes, Y. Tristant (eds.), *Egypt at its origins 2. Proceedings of the International Conference "Origin of the State. Predynastic and Early Dynastic Egypt"*, Toulouse (France), 5th–8th September 2005 (*Orientalia Lovaniensia Analecta* 172). Leuven, 513–540.
- Monnet-Saleh, J. 1986: Interprétation globale des documents concernant l'unification de l'Égypte (suite). *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale* 86, 227–238.
- Seidlmayer, S. 2010: Die Entstehung des Staats bis zur 2. Dynastie. In: R. Schulz, M. Seidel (eds.), *Ägypten: die Welt der Pharaonen*. Köln, 25–39.
- Sethé, K. 1905: *Menes und Gründung von Memphis. Untersuchungen zur Geschichte und Altertumskunde Ägyptens III*. Leipzig.

- Quibell, J.E. 1900: *Hierakonpolis*. Part I. London.
- Wilkinson, T.A.H. 2000: Political Unification: Towards a Reconstruction. *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Abteilung Kairo* 56, 377–395.
- Wilkinson, T.A.H. 2001: *Early Dynastic Egypt*. London.

REFERENCES

- Arnold, D. 1999: Royal Reliefs. In: J.P. O'Neill (ed.), *Egyptian Art in the Age of the Pyramids*. New York.
- Bard, K. 1989: The Evolution of Social Complexity in Predynastic Egypt: An Analysis of the Naqada Cemeteries". *Journal of Mediterranean Archaeology* 2, 223–248.
- Bard, K., Carneiro, R.L. 1989: Patterns of Predynastic Settlement Location, Social Evolution and the Circumscription Theory. *Cahiers de recherches de l'Institut de papyrologie et égyptologie, Lille* 11, 15–23.
- Butzer, K.W. 2002: Geoarchaeological implications of recent research in the Nile Delta, In Egypt and the Levant. In: E.C.M. Van den Brink, T.E. Levy (eds.), *Interrelations from the 4th through the early Third Millennium BCE*. London–New York, 83–97.
- Campagno, M. 2000: Kinship and the Emergence of the State in Egypt. *Bulletin of the Australian Center for Egyptology, Sydney* 11, 35–47.
- Campagno, M. 2004: In the Beginning was the War. Conflict and the Emergence of the Egyptian State Egypt at its Origins. In: S. Hendrickx, R.F. Friedman, K.M. Cialowicz, M. Chlodnicki (eds.), *Studies in Memory of Barbara Adams. Proceedings of the International Conference "Origins of the State. Predynastic and Early Dynastic Egypt"*. Krakow, 28th August – 1st September 2002. Leuven, 689–703.
- Dreyer, G. 2003: The Tombs of the First and Second Dynasties at Abydos and Saqqara. In: Z. Hawass (ed.), *The Treasures of the Pyramids*. Turin, 62–77.
- Heagy, T. C. 2014: Who was Menes? *Archéo-Nil: Revue de la société pour l'étude des cultures prépharaoniques de la vallée du Nil. Prédynastique et premières dynasties égyptiennes. Nouvelles perspectives de recherches*. Janvier 24. Paris, 59–92.
- Helck, W. 1990: Gedanken zur Entstehung des altägyptischen Staates. In: B. Schmitz, A. Eggebrecht (eds.), *Festschrift Jurgen von Beckerat. Zum 70. Geburtstag am 19. Februar 1990*. Hildesheim, 97–118.
- Holmes, D.L., Friedman, R.F. 1989: The Badari Region Revisited. *Nyame Akuma* 31, 15–19.
- Holmes, D.L., Friedman, R.F. 1994: Survey and Test Excavations in the Badari Region, Egypt. *Proceedings of the Prehistoric Society* 60, 105–142.
- Junker, H. 1955: *Gîza XII. Schlußband mit Zusammenfassungen und Gesamtverzeichnissen von Band I-XII*. Vienna.
- Kaiser, W. 1957: Zur inneren Chronologie der Naqadakultur. *Archaeologia Geographica* 6, 69–77.
- Kaiser, W. 1959: Einige Bemerkungen zur ägyptischen Frühzeit. *ZÄS* 84, 119–132.
- Kaiser, W. 1960: Einige Bemerkungen zur ägyptischen Frühzeit. *ZÄS* 85, 118–137.
- Kaiser, W. 1961: Einige Bemerkungen zur ägyptischen Frühzeit. *ZÄS* 86, 39–61.
- Kaiser, W. 1964: Einige Bemerkungen zur ägyptischen Frühzeit. *ZÄS* 91, 86–125.
- Kaiser, W., Dreyer, G. 1982: Umm el-Qaab. Nachuntersuchungen im frühzeitlichen Königsfriedhof. II. Vorbericht. *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Abteilung Kairo* 38, 211–269.
- Köhler, C. 2008: The Interaction between and the Roles of Upper and Lower Egypt in the Formation of the Egyptian State. In: B. Midant-Reynes, Y. Tristant (eds.), *Egypt at its origins 2. Proceedings of the International Conference "Origin of the State. Predynastic and Early Dynastic Egypt"*, Toulouse (France), 5th–8th September 2005 (*Orientalia Lovaniensia Analecta* 172). Leuven, 513–540.

- Krol, A.A. 2005: *Egipet pervykh faraonov* [The Egypt of the first pharaohs]. Moscow.
- Monnet-Saleh, J. 1986: Interprétation globale des documents concernant l'unification de l'Égypte (suite). *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale* 86, 227–238.
- Prusakov, D.B. 2009: Drevniy Egipet: pochva tsivilizatsii (etiud o neoliticheskoy revoliutsii [Ancient Egypt: the soil of civilization (study of the Neolithic revolution)]). Moscow.
- Quibell, J.E. 1900: *Hierakonpolis*. Part I. London.
- Seidlmayer, S. 2010: Die Entstehung des Staats bis zur 2. Dynastie. In: R. Schulz, M. Seidel (eds.), *Ägypten: die Welt der Pharaonen*. Köln, 25–39.
- Sethe, K. 1905: *Menes und Gründung von Memphis. Untersuchungen zur Geschichte und Altertumskunde Ägyptens III*. Leipzig.
- Wilkinson, T.A.H. 2000: Political Unification: Towards a Reconstruction. *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Abteilung Kairo* 56, 377–395.
- Wilkinson, T.A.H. 2001: *Early Dynastic Egypt*. London.
- Endesfelder, E. 1993: Überlegungen zur ersten Reichseinigung in Ägypten. In: E. Kormysheva (ed.), *Ancient Egypt and Kush*. Moscow, 174–200.

MEMPHIS AND FORMATION OF THE EGYPTIAN STATE

Roman A. Orekhov

Center for Egyptological Studies RAS, Moscow, Russia
radamant67@mail.ru

Abstract. The foundation and formation of Memphis, the earliest capital of Egypt, are among the mysteries of Egyptology that are still awaiting for their solution. The main difficulty that the researchers have been facing up to nowadays is the lack of archaeological material. That is why the modern scholars, just like a hundred years ago, often have to rely in their research on written sources, particularly — Herodotus' "Egyptian Logos", where he describes the so-called static model (Herod. II, 99). Basing on this model, the German Egyptologist K. Sethe in 1905 developed a theory, according to which Memphis had been founded in the apex of the Nile delta around 3000 BC by the king Menes. K. Sethe believed the united centralized state had emerged as a result of the victory of the powerful Upper Egyptian kingdom over the Lower Egyptian one that had been located in the Delta, and it is when the royal headquarters had moved from Upper Egyptian Abydos (Thin) to the northern White Walls fortress, which had become a core of the future capital. However, once the 20th and the beginning of the 21st century brought a lot of newer, mostly archaeological, data, the conclusions and suggestions of the German Egyptologist now need corrections. In particular, modern researchers understand the nature and role of the early Egyptian state and Memphis as its supposed capital the very different way. Some aspects of this issue will be covered in this article.

Keywords: Memphis, Abydos, Herodotus, K. Sethe, the origin of the Egyptian state, Upper Egypt, Lower Egypt
